

УДК 821.111-1'255.8

*А. А. Ивахненко***К ВОПРОСУ О МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ
ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА****Резюме**

Об'єктом дослідження статті виступає проблема поетичного перекладу, її предметом – множинність цільових текстів, метою – аналіз причин такої множинності. У статті зазначено, що науковці розглядають існування кількох перекладів одного твору як не лише неминуче, а й, часто, позитивне явище. Виділено діахронічну й синхронічну множинність твору. Перша, на думку авторки, виникає через значні зміни в системі мови перекладу, соціальній сфері, естетичних норм і т. ін. Причини синхронічної множинності, в тому числі, полягають у багатозначності оригіналу, в приналежності перекладачів до різних шкіл чи напрямків і т.д. Автор статті цитує позицію представників полісистемної теорії, які вважають, що перекладацькі стратегії залежать від того, яке місце перекладна література займає в цільовій літературній полісистемі. Наведено думку Г. Тури та І. Івен-Зогара щодо великого значення мінливості норми перекладу.

Summary

The object of the research is poetry translation, its subject is the manifoldness of target texts. The purpose of the article is to define the causes of such manifoldness. It is stated that scientists see the existence of several translations of a single original text as both an inevitable and positive phenomenon. The diachronic and synchronic manifoldness is suggested. The first, as the author claims, occurs due to serious changes in the target language system, in the social field, aesthetic norms etc. The causes of synchronic manifoldness lie in the complexity of the original, in the variety of schools to which translators belong etc. The author of the article refers to the position of the polesystem theory representatives who believe that a translator's strategy depends upon the place held by translated literature in the target literature polysystem. The author also quotes G. Toury and I. Even-Zohar as for the great significance of the variability of translation norms.

Ключевые слова: поэтический перевод, адаптация, множественность переводов, полисистемная теория, теория норм.

Феномен множественности переводов давно привлекает к себе внимание теоретиков и практиков этой области науки. Так, Г. Кочур отмечал: «Единственно возможного перевода не бывает» [5, с. 17]; с помощью математических формул возможность существования многих верных переводов одного поэтического произведения доказал С. Гончаренко [2]. Ученые рассматривают существование нескольких переводов одного и того же произведения как не только неизбежное, но и, нередко, положительное объективное явление, способное помочь лучше понять произведение, постичь его глубины, найти что-то новое, близкое литературным традициям принимающей культуры. Возможность существования многих переводов одного произведения они видят в многоплановости, многозначности оригинала, который приводит к множеству вариантов его восприятия и, отсюда, интерпретаций. Некоторые авторы склоняются к выводу о равноценной значимости исходного и целевого текстов: «Можно даже сказать, как бы парадоксально это ни звучало, что оригинал – это лишь только один из возможных вариантов, и таким образом, перевод ни в коем случае не является “бедным родственником”» [7, с. 136]. Но помимо многозначности оригинала, существует ряд других причин возникновения нескольких переводов одного произведения, вызванных как объективными, так и субъективными причинами. Некоторые из них называет А. Чередниченко: «Субъективно-объективная деятельность переводчика как посредника в двуязычной коммуникации является фактором множественности переводов, степень которой зависит от жанра текста, его временных и пространственных характеристик, развитости переводческой традиции и рецептивных возможностей целевого языка и культуры» [12, с. 162]. Другие истоки множественности переводов можно выделить, если рассматривать, например, диахроничную и синхроничную множественность: так, первая из них возникает вследствие значительных изменений в системе языка перевода, социальной сфере, приводящих к новому восприятию оригинала, эстетических норм в целевой культуре, взглядов на задачу перевода и т. п.; вторая – вследствие многозначности оригинала и связанной с этим множественности интерпретаций

даже в одном временном пласте, принадлежности исполнителей перевода к разным школам и т. п.

Интересную теорию относительно влияния социокультурных факторов на создание переводов и вызванную этим множественность целевых текстов выдвинул в свое время И. Ивен-Зохар. Согласно его полисистемной теории, переводная литература может использовать разные модели поведения «в пределах целевой литературной полисистемы» – от полного подчинения уже существующим моделям до внедрения абсолютно новых элементов в эту систему [16]. Из этого положения можно сделать вывод, что переводческие стратегии в определенной культуре «диктуются положением, которое вся переводная литература занимает в полисистеме» [22, с. 178]. По мнению И. Ивен-Зохара, «перевод больше не является явлением, чья природа и границы определяются раз и навсегда, а становится деятельностью, зависящей от отношений в пределах определенной культурной системы» [16, с. 51]. Таким образом, ученый расширяет понятие «перевод», предоставляя право на существование его разным типам – имитации, адаптации, версии, переработке, а следовательно, выявляет новую природу множественности целевых текстов.

Рассмотрим некоторые аспекты множественности переводов подробнее.

Мало кто из практиков и теоретиков перевода не осознает того факта, что один и тот же оригинал может иметь множество соответствий в языке и культуре перевода; но у каждого из них есть свое объяснение этого явления и свой взгляд на то, какие типы текстов могут иметь более одного варианта перевода. Наиболее категорично высказывался по этому поводу польский ученый Е. Балцежан, который заметил в 1968 году, что перевод *любого* иноязычного произведения всегда имеет характер одного из возможных сообщений, а потому важной чертой перевода как такового есть его многократность [9, с. 128]. Другие исследователи не делают таких глобальных выводов, а предполагают существование в множественности переводов только выдающихся произведений искусства, поскольку причину создания многих переводов они видят, прежде всего,

в многогранности образов, использованных автором оригинала [3, с. 132]. Неизбежность появления ряда вариантов при переводе «истинной высокой лирики» доказывает Е. Эткинд, акцентируя внимание на том факте, что такое произведение содержит «бесконечную смысловую перспективу», и потому возможно не одно переводческое решение, а, «теоретически говоря, бесконечное множество» [13, с. 395–396]. Мысль о том, что перевод «не исчерпывает оригинала», высказывал также Г. Гачечиладзе [1, с. 81].

На отсутствии единственно верного перевода художественного произведения и на невозможности передать абсолютно все особенности исходного текста настаивал выдающийся поэт и переводчик М. Рыльский. Он отмечал: «Каждый переводчик может при удачном в целом воспроизведении иноязычного рассказа, пьесы, поэмы, стиха и т. д. опустить ту или иную черту оригинала, сделав акцент на другой, которая кажется ему наиболее существенной» [10, с. 79].

Итак, можно сделать вывод о существовании двух групп исследователей: первая считает целесообразным осуществление многих вариантов перевода одного и того же произведения, поскольку это помогает лучше понять подлинник и, вследствие этого, – получить эквивалент оригинала если не в одном вторичном тексте, то в комплексе таких текстов. Вторая группа вообще не предполагает принципиальной способности любого количества переводов воссоздать все аспекты оригинального произведения вследствие бесконечности его познания.

Говоря о «художественном познании» произведения, невозможно обойти вниманием такой объективный факт, как большое количество плоскостей значений, заложенных в поэтическом произведении. Эти плоскости образуют широкий круг контекстов, которые влияют на восприятие произведения читателем и тем самым формируют, в частности, и эстетическое впечатление от него. Таким образом, можно сказать, что языковое содержание произведения совсем не равняется его внеязыковому содержанию, или «затексту», на который требовал ориентироваться при переводе И. Кашкин. Вообще, по Ю. Лотману, «стих – это одновременно и последовательность слов, и слово, значение которого совсем не равняется механической сумме

значений его компонентов», и это придает стихотворению двойной характер, благодаря чему «один текст принципиально предполагает больше, чем одну интерпретацию, интерпретация модели на более конкретном уровне дает не однозначную перекодировку, а некоторое множество взаимно эквивалентных значений» [6, с. 93]. Многоплановость поэтического содержания и обусловленную этим множественность переводов отмечали также Д. Коннолли [19], Г. Пейп [20], К. Поль [21], Т. Савельева [11], А. Чередниченко [12] и др.

Но если одно произведение предполагает больше, чем одну интерпретацию, то здесь мы уже приближаемся к такой проблеме, как взгляд на произведение отдельного переводчика, его видение конкретного исходного текста и своих задач, то есть – его право на интерпретацию.

Небезынтересно и то, что многие исследователи, выделяя интерпретацию как особый жанр перевода, отмечают, что перевод и интерпретация в чистом виде не существуют, они «тесно переплетаются друг с другом, и в любом виде перевода имеет место как непосредственный переход от текста оригинала к тексту перевода, так и переход через обращение к действительности» [4, с. 7]. Интерпретацию как неизбежный этап перевода любого произведения рассматривает и Д. Коннолли [19], объясняя свое отношение тем, что каждый переводчик – прежде всего читатель, а поскольку у каждого читателя формируется свое собственное отношение к произведению, это же касается и переводчика. Если принять во внимание эту мысль, то становится очевидным, что интерпретаций художественного произведения будет ровно столько, сколько у него читателей. Логично, что во время сложного процесса восприятия оригинального произведения на переводчика влияет фон родной для него культуры, поскольку, как отмечает М. Новикова, «культурный фон, культурный контекст действует в нашей речи повсеместно» [8, с. 154]. Следует добавить, что переводчик ощущает это влияние на себя не только со стороны целевой культуры, но и исходной, которая проявляется в тексте произведения на разных его уровнях. Ведь в отличие от обычных читателей переводчик «смотрит» на иноязычный текст как представитель сразу двух культур – исходной и целевой. Именно эта

«двухкультурность», на наш взгляд, и является главной причиной множественности переводов.

Интересно, что М. Новикова, размышляя об интерпретационной установке переводчика, приходит к выводу, что такая установка работает, словно фильтр: «Эта фильтрация захватывает в оригинале не только пласт содержательный («что сказано»), но и стилевой («как сказано») [*курсив автора*]. И не один лишь оригинал «фильтруется» переводчиком – вся инонациональная литература, словесность, история» [8, с. 85]. Необходимо заметить: воспринимаемая иноязычное и инокультурное произведение, человек всегда – сознательно или подсознательно – будет распределять информацию по принципу «свое – чужое», «знакомое – незнакомое», а у представителей разных менталитетов эти критерии всегда различаются. Поэтому, по нашему мнению, эмоциональное впечатление от художественного, а особенно – поэтического произведения никогда не будет одинаковым у читателей оригинала и перевода. Итак, меняя свое культуроязычное бытие, произведение проходит через ряд интерпретационных установок, что и приводит к текстовой множественности его существования, которая является проявлением его внутренней динамики, способности к адаптации в любых личных, исторических, национальных и вербальных условиях.

Логично предположить, что переводчик, воспринимающий иноязычное произведение с позиции двух культур – чужой и своей, – и целевой текст будет создавать хоть и согласно собственной интерпретации, но все равно на границе, а точнее, – на пересечении двух языков, литератур и культур. Впрочем, надо принять во внимание тот факт, что на процесс перевода будет влиять ряд социальных условий или норм, игнорирование которых может привести к отторжению целевой культурой далеких от нее текстов. В последнее время исследователи приходят к выводу, что профессия переводчика состоит не столько «в переносе слов и фраз через языковые барьеры» [14, с. 164], сколько в выполнении определенной социальной роли. В соответствии с данным утверждением рассматривается ряд норм, правил и обычаев, которые руководят процессом перевода.

Так, Т. Германс подчеркивает значимость норм для культуры,

предоставляя им функцию стабилизации в обществе: «Нормы являются психологическими и социальными единствами. Они – важный фактор в человеческих взаимодействиях, и таким образом, представляют собой неотъемлемую часть процесса социализации. По своей сущности нормы, равно как правила и обычаи, обладают функцией социального регулирования. <...> Более того: нормы и обычаи способствуют стабильности межличностных отношений, а отсюда – и групп, сообществ и обществ из-за того, что они уменьшают случайность, непредсказуемость и неопределенность, которые происходят от нашей невозможности контролировать время или предусматривать действия других людей» [18, с. 2]. В том, что касается собственно перевода, он отмечает: нормы влияют на всю «операцию переноса», а не только на процесс перевода как такового, «если только последнему непременно не предшествует ряд других решений. Перевод можно рассматривать как определенный образ дискурсивного переноса между культурными структурами или системами. Он составляет только один из ряда возможных путей межкультурного движения текстов» [18, с. 4].

Делая ударение на важности выполнения комплекса норм, существующих в определенном обществе, основатель «нормативного» направления в переводоведении Г. Тури обосновывал его следующим образом: «Переводчик выполняет функцию, установленную сообществом, и должен это делать таким образом, который считается приемлемым в данном сообществе. Для того, чтобы стать переводчиком в определенном сообществе, сначала надо овладеть рядом норм, которые определяют, что приемлемо для поведения переводчика в данном сообществе» [14, с. 164]. Впрочем, ученый рассматривает нормы не как приказы переводчику, а как категорию дескриптивного анализа. Определить нормы перевода в рамках определенной страны и/или периода возможно, если проанализировать большое количество переводов разных исполнителей и определить общие черты их стратегий. Гидеон Тури выделяет три вида норм: 1) исходные; 2) предварительные; 3) операционные. Под первыми понимается выбор между соблюдением либо норм исходного текста, либо норм целевого текста; под вторыми – возможность выбора

текстов определенных жанров или культуры и т. п.; под третьими – выбор политики создания целевого текста: возможности представлять его сокращенный вариант, менять последовательность частей и т. п. [23, с. 56–61].

Несколько иначе различает переводческие нормы Э. Честерман: он рассматривает нормы профессиональные и нормы ожидания. Первые – это действия, общепринятые среди профессиональных переводчиков-практиков; вторые «устанавливаются реципиентами перевода, их ожиданиями относительно того, каким, с одной стороны, должен быть перевод (текста определенного жанра), а с другой, – каким должен быть целевой оригинальный текст (того же жанра)» [15, с. 9]. Во время работы переводчик одновременно подчиняется обоим видам норм.

Со временем переводческие нормы имеют тенденцию меняться, таким образом содействуя диахронической множественности переводов. Исследователи, анализируя целевые тексты, оценивают их согласно нормам, существующим на данный момент, то есть синхронным: это может быть различие между «хорошим» и «плохим» переводом; «буквальным» и «свободным»; «сугубо переводом» и «адаптацией», «имитацией», «пересказом» и т. п. И. Ивен-Зохар считает такую ситуацию абсолютно нормальной, поскольку «определенные компоненты системы культуры, как правило, <...> имеют определенный социальный статус» [17, с. 5]. Он отмечает, что все институты культуры, отстаивая свои вкусы, «по обыкновению выдвигали идею о том, что нежелательные для них варианты есть “естественно” низшими по статусу, и в основном вообще отказывали им в каком-либо статусе» в пределах этой культуры, просто «выталкивая» их из обихода, провозглашая их «нелегитимными» [17, с. 5]. Конечно, если переводчик хочет, чтобы его работа увидела мир, он не может не принимать во внимание критериев «высокого статуса» целевых текстов.

Таким образом, текучесть переводческих нормативов, их зависимость от комплекса объективных условий также содействуют возникновению феномена множественности переводов.

Список литературы

1. Гачечиладзе Г. Р. Вопросы теории художественного перевода / Г. Р. Гачечиладзе. – Тбилиси : Литература да хеловнеба, 1964. – 267 с.
2. Гончаренко С. Ф. К вопросу о поэтическом переводе / С. Ф. Гончаренко // Тетради переводчика. – М. : Междунар. отношения, 1972. – № 9. – С. 81–91.
3. Кашкин И. В борьбе за реалистический перевод / И. Кашкин // Вопросы художественного перевода : сб. статей / сост. Вл. Россельс. – М. : Сов. писатель, 1955. – С. 120–164.
4. Комиссаров В. Н. Перевод и интерпретация / В. Н. Комиссаров // Тетради переводчика. – М. : Междунар. отношения, 1982. – Вып. 19. – С. 3–19.
5. Кочур Г. П. Майстри перекладу / Г. П. Кочур // Всесвіт. – 1966. – № 4. – С. 17.
6. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1972. – 270 с.
7. Мико Ф. Передача звучания при переводе лирической поэзии / Ф. Мико // Поэтика перевода : сб. статей / сост. С. Ф. Гончаренко. – М. : Радуга, 1988. – С. 124–136.
8. Новикова М. А. Прекрасен наш союз: Литература. Переводчик. Жизнь / М. А. Новикова. – К. : Рад. письменник, 1986. – 223 с.
9. Попович А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М. : Высш. шк., 1980. – 198 с.
10. Рильський М. Т. Проблеми художнього перекладу / М. Т. Рильський // Мистецтво перекладу : статті, виступи, нотатки. – К. : Рад. письменник, 1975. – С. 25–92.
11. Савельева Т. С. Некоторые аспекты художественного перевода с позиций психолингвистики / Т. С. Савельева // Перевод и переводоведение : материалы конф. – Уфа : Башк. ун-т, 1997. – С. 61–63.
12. Чередниченко О. І. Функції перекладу у сучасному світі / О. І. Чередниченко // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х. : Константа, 2006. – № 725. – Сер. Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – Вип. 48. – С. 162–165.
13. Эткинд Е. Поэзия и перевод / Е. Эткинд. – М.-Л. : Сов. писатель, 1963. – 429 с.
14. Baker M. Norms / M. Baker // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. Mona Baker. – London, NY : Routledge, 1998. – P. 163–165.
15. Chesterman A. From «Is» to «Ought»: Laws, Norms and Strategies in Translation Studies / A. Chesterman // Target 5 (1), 1993. – P. 1–20.

16. Even-Zohar I. Polysystem Studies / I. Even-Zohar // *Poetics Today*, 1990. – Vol. 11. – No. 1. – P. 1-268.
17. Even-Zohar I. Polysystem Theory (Revised) / I. Even-Zohar // *Even-Zohar I. Papers in Culture Research*, 2005. – P. 1–203.
18. Hermans T. Norms and the Determination of Translation: A Theoretical Framework [Electronic resource] / T. Hermans. – Mode of access : http://eprints.ucl.ac.uk/archive/00002005/01/Microsoft_Word_-_96_Norms_Determination.pdf.
19. Konnolly D. Poetry Translation / D. Konnolly // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / Ed. Mona Baker. – London, NY : Routledge, 2001. – P. 171–177.
20. Pape H. The many limits of Interpretation / H. Pape // *Translation und Interpretation* / Hrsg. von Rolf Elberfeld et al. – München : Fink, 1999. – P. 163–178.
21. Pohl K. H. Translating the Untranslatable: Approaches to Chinese Culture / K. H. Pohl // *Translation und Interpretation* / Hrsg. von Rolf Elberfeld et al. – München : Fink, 1999. – P. 179–188.
22. Shuttleworth M. Polysystem Theory / M. Shuttleworth // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / Ed. Mona Baker. – London, NY : Routledge, 2001. – P. 177–179.
23. Toury G. Descriptive translation studies and beyond / G. Toury. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamin's translation library, v. 4, 1995. – 311 p.